

ДВИЖЕНИЕ К УСТОЙЧИВЫМ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ И НАЦИОНАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ КАК ДЛИТЕЛЬНЫЙ ФАКТОР ВОЗМОЖНОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ АФРАЗИЙСКОЙ МАКРОЗОНЫ НЕСТАБИЛЬНОСТИ*

Леонид Ефимович Гринин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт востоковедения РАН

Мы рассматриваем движение к демократизации через призму того, что ислам – преобладающая религия в афразийской макроне нестабильности, а исламизм – очень влиятельное течение, которое колеблется между респектабельностью, демократией и уважением к закону и традициям других цивилизаций, с одной стороны, и радикализмом, терроризмом, отрицанием легитимности светской власти и острой враждебностью к иным формам мировоззрения (особенно западным) – с другой. В этих условиях торопливость с внедрением развитых форм демократии по западным стандартам, попытки вытеснить исламистов за рамки легального поля создают длительный и мощный фактор нестабильности. На фоне недостаточной развитости модернизации, урбанизации, образования, необходимого политического опыта, завышенных требований получившей образование молодежи и в целом повышенной доли молодежи в составе населения (об этих условиях см.: Гринин 2020а; 2020б) и т. п. этот фактор способен вести многие общества афразийской макроне нестабильности (тем более зоны Сахеля) к революционным ловушкам и ловушкам радикализации исламизма.

Продвижение демократии со стороны США и других западных стран становится мощным геополитическим оружием, в резуль-

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

тате которого в странах афразийской макрзоны нестабильности создаются очаги дестабилизации на десятилетия. Но этот хаос США представляется предпочтительнее устойчивых правительств и режимов. Нет оснований предполагать, что их внешняя политика в отношении стран района Ближнего и Среднего Востока каким-то образом изменится в будущем. А следовательно, она будет оставаться фактором дестабилизации под прикрытием флага демократизации и борьбы с авторитаризмом. Таким образом, неготовность даже модернизированных обществ (как в Египте) к демократии, тем более слабых государств с многоэтничным населением, при попытках навязать таким обществам демократические институты становится очень серьезным и длительным источником дестабилизации.

Можно ожидать в будущем с учетом движения стран афразийской зоны нестабильности к большей зрелости определенно и, вероятно, немалого числа социально-политических и национально-освободительных революций в будущем. Мало того, можно сделать вывод: в Африке значимость военных переворотов будет снижаться, а роль революций расти, как это было в Латинской Америке. Мы полагаем, что национальные и национально-освободительные борьба, движения, революции будут особенно сильно влиять на стабильность африканских государств и обществ.

Новейшая история ряда стран, в том числе Эфиопии, Южного Судана, Камеруна, демонстрирует, что не только демократические, но в еще большей степени национальные революции ввергают страны в тяжелейшие революционные периоды. И можно прогнозировать, что таких случаев будет много. Можно предположить, что и в африканских странах, к сожалению, откроются такие длительные и разрушительные революционные эпохи. Попытки перехода к демократии в исламских странах опасны не только революционными ловушками, но и тем, что мы назвали **ловушками радикализации**. Обе ловушки порой тесно связаны. Модернизация вместе с ростом урбанизации, образования и контактов с другими обществами нередко создает и глубокий раскол в мировоззрении различных слоев населения. Возникает ситуация двух наций в более развитых и двух этносов – в менее развитых обществах. Более культурная и активная часть населения становится движущей

силой изменений под влиянием заимствованных идеологий, в том числе передовым отрядом демократической революции. Но с попытками ввести демократию побеждает консервативное большинство. Это и является основой для попадания в революционно-радикалистскую ловушку, особенно в исламских странах.

1. Внешнее влияние и попытки насадить демократию ведут к дестабилизации

Продвижение демократии, которое особенно активно осуществляется США и западными странами со времен волны антисоциалистических революций конца 1989 – начала 1990-х гг., имеет под собой несколько оснований. Одно из них, несомненно, связано с миссионерским видением, что демократический строй априори лучше, чем иной, даже в странах, не готовых к демократии. Здесь проводниками часто являются различные неправительственные организации, которые, правда, активно служат и иным целям (разведывательным, вербовочным, организационным в период протестов и дестабилизационным). Однако другие основания имеют гораздо менее идеалистическую природу. Главными из них являются возможности: а) оказывать давление на лидеров¹, элиту и внешний (а нередко и внутренний) политический курс той или иной страны; б) иметь «пятые колонны» и агентов влияния, которые борются за демократизацию, против авторитаризма, коррупции и кумовства, неизбежных в большинстве режимов, с целью давления и/или свержения режимов; в) инструмент для мощного давления или свержения неугодных тем или иным режимов. Раньше для этого чаще использовали военные перевороты. Они и сейчас ни в коем случае еще не вышли из арсенала средств влияния (вспомним, что такая попытка была пресечена в 2016 г. в Турции), но цветные революции оказались удобнее во многих случаях (о них см. ниже); г) слабое «демократическое» правительство, зависящее от США или других стран во всех отношениях, поставленное в стране «победившего демократизма», обеспечивает интересы Соединенных Штатов, других стран, их крупнейших корпораций и/или политических игроков. При этом, в зави-

¹ Впрочем, для давления на лидеров используются очень разнообразные средства, включая обвинения в коррупции, геноциде и пр.

симости от важности партнера, нежелательности разрыва с ним или других обстоятельств, некоторые недемократические режимы не подвергаются критике и давлению, а другие – подвергаются, и очень серьезному. Так, монархические страны Залива, особенно Саудовская Аравия, несмотря на то, что там существуют очень архаичные и неприемлемые отношения (в частности, приниженное положение женщин), защищены от критики, зато сильные светские лидеры, какими были Муаммар Каддафи в Ливии, Саддам Хуссейн в Ираке и остается Башар Асад в Сирии, всегда являлись предметом острейшей критики и всевозможного давления². Здесь в контексте нашей темы важно сказать: а) что сильные, самостоятельные лидеры на Ближнем Востоке воспринимались и воспринимаются США и их европейскими партнерами как зло, которое хуже хаоса. Соответственно, их надо свергать любой ценой (такого же взгляда, кстати сказать, придерживались и монархи Залива); б) критика авторитаризма со всеми его неизбежными пороками не представляет сложности, недостатки всегда на виду, особенно если автократ находится у власти долго; а лозунги о введении демократии являются оптимальной стратегией в этом отношении; в) если невозможно свергнуть режим за счет внутренних сил, то можно активизировать внешнюю интервенцию. Иными словами, порядок и устойчивость в Африканской макроне нестабильности не являются приоритетами для США и других стран в общем плане, хотя, конечно, в некоторых зонах, в частности в зоне Сахеля, их беспокоят разгул наркоторговли и терроризма. Но в целом и терроризм они воспринимают как нечто играющее им на руку, так как он позволяет им усиливать свой контроль и влияние.

Таким образом, продвижение демократии становится мощным геополитическим оружием, в результате которого в странах

² Правда, иногда демократический угар захватывал настолько, что свергали и нужных автократов, например, Хосни Мубарака в Египте (см.: Гринин 2012). С другой стороны, после военного переворота в Египте в июле 2013 г. и прихода к власти генерала ас-Сиси в Египте установился такой жесткий (авторитарный и репрессивный) режим, который далеко обогнал предыдущий режим Мубарака. Однако США полностью закрыли глаза на массовые казни и репрессии, поскольку им, Саудовской Аравии и Израилю нужен устойчивый Египет (а не исламистский во главе с «Братьями-мусульманами»).

афразийской макрзоны нестабильности (и не только в ней) создаются очаги дестабилизации на десятилетия. Но этот хаос США представляется предпочтительнее устойчивых правительств и режимов. Об этом мы уже достаточно подробно говорили в: (Гринин и др. 2016). С учетом того, что ни США, ни западные страны не приняли на себя ответственность за дестабилизацию ситуации в Ираке, Афганистане, Ливии и Сирии, нет оснований предполагать, что их внешняя политика в отношении стран Ближнего и Среднего Востока изменится в будущем. А следовательно, она будет оставаться фактором дестабилизации под прикрытием флага демократизации и борьбы с авторитаризмом.

Дополнительно отметим, что демократические лозунги – отнюдь не единственный способ дестабилизации прочных режимов и крупных государств, который используют США и другие западные страны. Они также нередко используют лозунги поддержки национальной или национально-освободительной борьбы в многоэтничных странах, поддерживая для этого нередко террористов, боевиков и просто бандитов. Правда, как правило, они представляют националистов еще и демократами, которые намерены установить в отделившейся части страны истинную демократию. Ведь не могут же в самом деле поддерживаемые ими террористы быть врагами демократии и ярыми авторитаристами. Во многих случаях ситуация дестабилизации, связанная с национальным сепаратизмом, поддерживается из-за рубежа резкой критикой «недостатка» демократии или нарушений прав человека. Так было, например, в Камеруне, где правозащитники упрекали власти в том, что они депортировали более 100 тыс. беженцев из Нигерии, которые спасались от террора «Боко харам»³. А вскоре после такой «пристрелки» начали активизироваться сепаратисты в англоговорящих провинциях этой в целом франкоговорящей страны (Филатов 2019). Следует заметить, что боевики в Камеруне – что местные, что пришлые – активизировались после выборов президента 2018 г. Итоги этих выборов подвергались сомнению оппозицией, впрочем, вполне вероятно, обоснованному. Дело в том, что на них в седьмой раз на очередной срок был избран 86-летний Поль Бийя, который правит

³ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

страной с 1982 г. Обратим внимание, что ситуация очень похожа на ту, что наблюдалась через год в Алжире. Тем не менее для Запада все эти недостатки режимов – лишь повод для вмешательства. О Камеруне см. ниже.

Случаев поддержки США и западными странами сепаратистов немало. Очень яркий пример: их активная помощь сепаратистам в странах бывшей Югославии и прямое вмешательство во внутри югославские конфликты (особенно здесь стоит выделить поддержку мусульманских сепаратистов: косоваров и боснийцев), в результате чего Югославия была разрушена полностью. Но есть примеры и в афразийской макроне нестабильности или прилегающих к ней территориях, в частности поддержка сепаратизма курдов в Ираке, Сирии и (иногда) в Турции. Мы также говорили о поддержке США сепаратистов в Белуджистане, уйгуров в Китае (Гринин 2020в).

В странах Сахеля нет сильных режимов, поэтому политика там иная. Как мы видим (в: Гринин 2020г), США и Франция, напротив, оказывают режимам определенную помощь, чтобы сдерживать разгул терроризма. Однако есть и серьезные исключения. Это, например, Судан, где как раз был достаточно устойчивый режим и к тому же исламистского толка (об этом режиме см.: Гринин 2018; Гринин, Коротаев 2019). США активно поддерживали мятежников и жестко давили на Судан (о влиянии США см. ниже; см. также: Филатов 2012в). Вполне понятно, почему местные полевые командиры представляли себя как борцов за демократию и справедливость (Филатов 2012в).

Отметим, что взрыв терроризма в Сахеле именно с 2012 г. был вовсе не случаен. Он был вызван именно политикой Запада в отношении Ливии, Сирии и Ирака. Ведь в 2011 г. был уничтожен режим Каддафи в Ливии⁴, а в результате гражданской войны в Сирии и событий в Ираке в скором времени возникло «Исламское государство»⁵. Можно предположить, что если в странах Сахеля когда-либо все же установятся крепкие и дееспособные режимы, позиция

⁴ Здесь уместно упомянуть, что Ливия при Каддафи оказывала многомиллиардную помощь беднейшим африканским странам, которые теперь ее лишились (Малышева 2014).

⁵ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

США может стать противоположной: вместо поддержки они будут стремиться подорвать эти режимы будущего, тем более что стандартных причин для вмешательства наверняка будет много.

Общественные пороки авторитарных и гибридных режимов общеизвестны. Такие общества характеризуют коррупция, кумовство, казнокрадство, подтасовки на выборах и недопуск к ним конкурентов, клановость в политике и бизнесе (в неразвитых странах клановость существует в прямом этнографическом смысле), использование прокуратуры в борьбе с оппонентами, несправедный суд и многое другое; это всегда является источником недовольства, а при совпадении условий – знаменем борьбы с режимом. Но нельзя забывать, что при всех своих очевидных пороках *авторитарные режимы*, особенно в странах со слабыми историческими традициями государственности, несложившейся нацией и неустоявшимися границами, разноэтничным и разноконфессиональным населением (об всех этих моментах мы говорили в: Гринин 2020г), *нередко держатся и развиваются именно благодаря тому, что управляет ими автократ или диктатор. С его свержением центробежные силы могут дестабилизировать или «разорвать» страну.*

Важно еще иметь в виду, что *каждый случай дестабилизации устойчивого режима создает источник дестабилизации, который влияет на окружающие и даже отдаленные страны в течение очень долгого времени.* Это приводит к целому ряду кустовых дестабилизационных событий: революциям, переворотам, сепаратизму, терроризму и пр. Выше мы уже говорили о росте терроризма в странах Сахеля после падения режима Каддафи, напомним также об образовании государства туарегов Азавад (см.: Филатов 2012а), потере управляемости в Мали (так что туда пришлось вводить французские войска), потоке беженцев в Европу. *Таким образом, попытки установления демократии в странах с неокрепшей государственностью (каковой была, например, Ливия) путем вооруженной революции, интервенции и свержения правительства однозначно ведут к разгулу терроризма, равно как и попытки установить социальную республику в таких странах, как Афганистан (что пытался сделать Советский Союз). Вторжение в Ирак породило ИГИЛ. Другим фактором, способствующим росту терроризма, является стремление использовать такие организации в геополитике.*

литических целях (см.: Гринин 2019). Напомним также, что и «Аль-Каида»⁶ (ныне один из главных источников террористического влияния на Ближнем и Среднем Востоке и в зоне Сахеля) оказалась в итоге продуктом опоры американских спецслужб на террористические группы в борьбе с советским присутствием в Афганистане в 1980–1990-е гг.

Завершим этот параграф тем, о чем мы говорили ранее (Гринин 2019). События Арабской весны несколько отрезвили тех, кто стремился к скорейшему установлению демократии в арабских странах. Поэтому важно не стать жертвой западной одержимости демократией. Тем же исследователям, которые утверждают, что нельзя допустить, чтобы ближневосточная демократия «не имела никакого значения» или значила бы меньше, чем в других частях мира (Dalacouga 2015: 420), можно ответить так. Ни в коем случае не утверждая, что ближневосточная демократия не имеет значения, мы подчеркиваем, что путь к демократии здесь лежит в первую очередь через сотрудничество с умеренным исламизмом, даже если какое-то время эти исламисты могут получать большинство голосов. А если в таком случае существует опасность проникновения во власть более радикальных исламистов, то, на наш взгляд, авторитарные режимы предпочтительнее этой опасности. Из двух зол это все-таки меньшее.

2. Цветные революции и геополитический фактор

Конец XX и начало XXI в. стали периодом нового типа революций, в которых увеличилась доля внешнего вмешательства и инспирирования, использования «рукотворных», нестихийных революций для свержения неугодных режимов. Волны таких революций и попыток революций, получивших название «цветные», прокатились по Мир-Системе. Таким образом, революции вновь стали использовать как важнейший инструмент геополитики, только теперь уже не коммунистические государства, а демократические. Для этого в избранных странах активно подготавливалась оппозиция, которая

⁶ Деятельность данной террористической организации запрещена на территории Российской Федерации.

при возможности проходила обучение с помощью западных инструкторов; также в качестве координаторов и штабов всякого рода использовались НКО и дипмиссии. К сожалению, чаще всего позитивный эффект таких революций был минимальным, зато негативный – разрушительным. Влияние зарубежных сил на революции на Ближнем Востоке прослеживается очень ясно. В их подготовке и осуществлении огромную роль играют внешние силы. Цветные революции осуществляются по уже опробованным моделям с помощью обученных активистов. Но важно понимать, что революции никогда не определяются только внешним воздействием, они всегда являются результатом внутреннего кризиса. Причины и условия такого кризиса в отношении целого ряда ближневосточных стран мы прослеживали в других наших работах (Гринин и др. 2016; Гринин, Коротаев 2016; Grinin *et al.* 2019). Но опасность развала и дестабилизации особенно усиливается, если включается внешний фактор под знаменем цветной революции и тем более внешней интервенции.

В (Гринин 2020б) мы говорили, что роль цветных революций весьма велика и что фактически северная граница афразийской макрзоны безопасности во многих местах совпадает с тем, что мы назвали поясом цветных революций. И это неслучайно, так как это геополитическое оружие особенно активно используется в странах бывшего СССР (в Грузии, Армении, Киргизии, были попытки в Узбекистане). Напомним, что попытки подобных революций наблюдались в Турции. Собственно, и некоторые революции Арабской весны были цветными.

На первый взгляд кажется, что в Африке цветные революции имели место только в ее северной арабской части. Однако нечто похожее все же было и в Тропической Африке, то, что можно назвать цветными революциями по-африкански, но направлены они уже были против геополитического соперника из Европы (Филатов 2012б).

Американо-европейское соперничество, отмечает заместитель директора Института Африки РАН Леонид Фитуни, в основном касается традиционной конкуренции между ТНК на африканских рынках – как на товарных, так и на рынках приложения капитала. Однако нельзя списывать со счетов и политическую

компоненту противоборства. В конце XX и самом начале XXI в. последнее приобрело форму наступления США, в первую очередь на позиции Франции. Это выразилось в том, что в ряде стран, некогда считавшихся традиционными зонами французского влияния, – Бурунди (1993–2005), Руанде (1990–1994), Заире/ДРК (1998–2002), Чаде (2006, 2008), Того (2005), Кот-д’Ивуаре (1999, 2002, 2011) – начинались организованные внутренние беспорядки и вспыхивали вооруженные конфликты разной интенсивности. Хотя внешне эти выступления «демократических сил» практически никогда не были антифранцузскими, они тем не менее объективно направлялись против профранцузских правительств в этих странах, а на смену им приходили по большей части проамериканские силы (Филатов 2012б).

Но и помимо сказанного нельзя забывать, что США активно несли и продолжают нести в Африку идеи содействия укреплению демократических институтов и защите прав человека (Филатов 2012г). А ведь это лозунги цветных революций.

3. Маскировка внутренних конфликтов под демократические лозунги

Революционные или квазиреволюционные потрясения происходят в странах с очень разным уровнем развития. И очень важно учитывать этот уровень. Неудачи демократических революций могут случиться в странах как с более, так и с менее высокой политической культурой и традициями, но однозначно можно сказать: *чем ниже уровень развития общества, нации, государства, тем меньше шансов на то, что демократические лозунги революции осуществятся*. Кроме того, следует различать реальные требования демократии и просто модные заимствованные лозунги. В первом случае за требованиями демократии стоят социальные слои с соответствующим уровнем образования, культуры, типа занятий и т. д. Во втором – они провозглашаются в странах, которые, по сути, еще не доросли до осознания необходимости демократии, но под влиянием внешнего мир-системного окружения берут их в свой арсенал. Но на самом деле под этими лозунгами лежат архаические отношения и борьба за власть и ресурсы в системе архаического типа управления. В рамках этих обществ при внешне демократических процедурах нередко идет борьба либо между кланами (этнопле-

менными народностями, как в Йемене), либо между этническими конфессиональными группировками и т. п., что делает и каждую выборную компанию взрывоопасной и быстро перерастает в прямую борьбу или войну⁷.

Внутригосударственные вооруженные конфликты порождены в регионе, как правило, несправедливым – истинным или мнимым – распределением государственного бюджета, отношением властей к экономическим, социальным, экологическим проблемам тех или иных территорий, на которых компактно проживают отдельные этнические общности. Конфликты часто гальванизированы отсутствием реформ или неуспехом в их проведении, что обычно сопровождается коррупцией в верхних эшелонах власти и обнищанием «низов». В вооруженное противостояние выливается и неудовлетворенность своим положением в политических системах, органах государственной власти отдельных этнических или религиозных групп. Недовольство провоцируют также культивируемое властями политическое неравенство в отношении представителей отдельных конфессий и этносов, их дискриминация в системе государственного управления, преобладание в ней, равно как в армии, полиции, службе безопасности, представителей какого-либо одного этноса или религиозной группы в ущерб другим (Малышева 2014).

Поэтому если революции в таких государствах, как Египет и Тунис, определялись внутренним социальным напряжением, то в ряде других арабских стран потрясения были вызваны внутренними этноконфессиональными противоречиями. Они никогда на самом деле не исчезали и получили импульс вследствие целого набора факторов, включавших в себя, помимо собственно социального недовольства, также пример других стран, инспирирование протестов и активную помощь извне. Это мы видим на примере Ливии, Йемена, Сирии, в которых именно фактор внешнего вмешательства, прямой или прикрытой интервенции развязал узел этноконфессиональной вражды. Последняя сдерживалась только достаточно жесткими и

⁷ По мере взросления таких обществ ситуация может меняться. Например, в Ливане для поддержания единства страны была создана конституция, которая закрепляла должности и представительство за разными конфессиями и группами. Но в событиях 2019 г. население неожиданно осознало, что такая система ведет страну к застою.

авторитарными режимами. Повторим, стоило только свергнуть этот режим, как в стране начинался хаос, созданный требованием демократических изменений. *Для стран, в которых не сложилась прочная государственность, имеющих низкий уровень культуры многих групп населения, идея демократической революции является крайне опасной и ведет к дестабилизации. Таким образом, демократические идеи приходят в столкновение с потребностями в стабильности, в результате порядок передачи власти в авторитарных режимах становится их уязвимой точкой.*

4. Неготовность обществ к демократии как причина провала попыток демократических революций и длительной дестабилизации

Отметим, что любая смена власти, даже самая легитимная, неважно, в монархическом или демократическом устройстве, неизбежно ведет к более или менее заметным сбоям в функционировании административно-политической машины. Смена же власти путем революции означает значительно более резкий сбой в работе системы, часто с непредсказуемыми последствиями. Вот почему в целом революции всегда были очень разрушительным и затратным способом социального прогресса, а порой становились и причиной регресса. Поэтому вопрос о наиболее безопасной системе передачи власти (институционализации этого порядка) всегда был важнейшим для любого политического режима. Если этот момент не институционализирован, значит, государство находится еще на невысоком уровне развития. Поэтому мы отмечали как важную черту зрелого государства, как маркировку перехода от стадии развитого к зрелому государству, институционализацию этого процесса в монархиях (Grinin 2008; 2012; Гринин 2010). Однако в современных условиях мир-системные и иные международные влияния столь сильны, что почти любой режим⁸ должен маскироваться под демократический. Какой бы автократ или диктатор ни находился у власти, он должен имитировать выборы, референдумы и т. п. В этих

⁸ Кроме абсолютной монархии (да и та уже в процессе) и еще оставшихся социалистических стран. Но даже и последние должны имитировать выборы, что также может стать причиной внутреннего раскола и дестабилизации.

условиях сам процесс выборов в таких режимах несет в себе опасность дестабилизации. И чем дольше автократ находится во власти и чем хуже дела в обществе, тем опаснее эти вроде бы фиктивные выборы, которые в один момент оппозиция начинает превращать (обычно с внешней помощью) в настоящие. Одна из самых частых причин цветных и других демократических революций – это именно обвинение в фальсификации выборов. Таким образом, в результате внешней и общемировой установки авторитарные и диктаторские режимы становятся априорно нелегитимными, что и проявляется время от времени в волнениях, протестах и революциях.

Как известно, и полные демократии, и консолидированные авторитарные (в том числе монархические) режимы менее склонны к социальным потрясениям, чем режимы, промежуточные между авторитаризмом и демократией. Поэтому еще более неустойчивыми оказываются несложившиеся демократии (с разным уровнем имитации демократических процедур). В Африке есть страны с незрелой и факционной (по этническому или территориальному признаку) демократией, которая ведет к неустойчивости режима. Страны зоны Сахеля по международной классификации принадлежат частично к гибриднему режиму, частично к автократии, только отдельные страны относятся к несовершенной демократии, в частности Сенегал. Но характерно, что в этой многоэтнической стране с 1982 г. в юго-западной провинции Казаманс, на территории которой живут диола, идет вооруженная борьба за ее отделение. Надо иметь в виду, что едва ли не большинство стран Африки (в том числе и большинство стран Сахеля) – многоэтнические (об этой опасности также см. ниже).

Таким образом, тем более высока опасность дестабилизации, когда перед нами не развитое общество со сложившейся нацией (каковы, например, Египет, Турция, Россия, другие страны бывшего СССР), а слабые многоэтнические государства с несложившейся нацией, трайбализмом, разделенные в этнорегиональном или этноконфессиональном плане. Тогда выборы всегда потенциально грозят опасностью раскола и распада государства, гражданской войны, что мы видели, скажем, на примере Кот-д'Ивуара (Гринин 2020г).

Характерно, что хотя индекс демократии в африканских странах невысок, он заметно выше подобного индекса в странах Ближ-

него Востока и Северной Африки. Тем не менее очевидно, что в плане уровня государственности и устойчивости режимов ближневосточные и североафриканские режимы существенно стабильнее африканских. *Это лишний раз доказывает, что демократическая форма правления априори не является лучшей, наибольшая эффективность режимов определяется многими факторами и конкретными обстоятельствами.* Как мы видели в (Гринин 2020г), только внешнее вмешательство превратило ряд стран Ближнего Востока в несостоявшиеся, до этого они показывали примеры устойчивости⁹. Тем не менее в результате революций Арабской весны общества показали неспособность закрепить демократические институты после победы демократических революций ни в Египте, ни в Йемене, ни тем более в Ливии или Сирии. Тунис, пожалуй, пока единственная страна, где демократия продолжает жить, но поручиться, что там не будет отката к гибриднему или авторитарному режиму, никто не может. Что же касается американского эксперимента в Ираке, то введение демократии в этой стране привело к тому, что сунниты, прежде бывшие у власти, потеряли свое влияние, и это привело к серьезным изменениям: фактической потере США Ирака, усилению влияния Ирана, возникновению ИГ и др.

Таким образом, неготовность к демократии даже модернизированных обществ (как в Египте), а тем более слабых государств с многоэтничным населением при попытках навязать таким обществам демократические институты становится очень серьезным и длительным источником дестабилизации.

5. Национальный сепаратизм

Мы отмечали в (Гринин 2020г), что неразвитость в плане формирования современной нации может влиять на усиление нестабильности при взрослении наций. Дело в том, что при достижении определенного уровня развития экономики, образования, культуры и идеологии в них часто просыпается национализм, а с ним нередко и сепаратизм. А отсюда уже прямой путь к национально-освободительным (национальным) революциям или сепаратистской борьбе.

⁹ Даже Афганистан, пока им правил король, представлял собой отсталую, но все же единую и управляемую страну. И Афганистан – еще один яркий пример негативного влияния демократических революций.

В (Гринин 2020a) мы проводили различия между национальными и национально-освободительными революциями. В настоящее время национально-освободительные революции имеют меньше шансов (колоний не осталось, во многих случаях нетитульные нации имеют какие-либо формы представительства). Однако в рамках полиэтничных государств далеко не все этносы имеют достаточное представительство. А поскольку особенно много полиэтничных государств со слаборазвитыми нациями находится в Африке, где также низок уровень модернизации, урбанизации, образования и культуры, то именно здесь можно ожидать подъема борьбы этносов, доросших до осознания, что они нации, за расширение автономии или отделение. Кроме того, как мы видели, факционная демократия в африканских странах часто связана именно с принадлежностью к тому или иному этносу (которые нередко используют племенную идентичность; см. ниже). Межэтнические войны и этноцид (имевшие место в 1960–1980-х гг.) также могут случиться в будущем. *Но мы полагаем, что все более заметную роль станут играть именно национальные (национально-освободительные) движения и революции* (которые есть борьба за власть, конечно, причем часто в рамках неполной демократии и разно конфессионального населения). Кот-д’Ивуар – хороший пример (см.: Гринин 2020г), где относительное большинство жителей – мусульмане, причем они в основном концентрируются в северных районах.

Опасность дезинтеграции по этническому принципу даже сегодня, а тем более в будущем, угрожает и странам Сахеля (о Камеруне мы скажем отдельно). Специалисты считают, что прослеживается тактика «вычленения» территорий, неподвластных государственному центру, в Мали, Нигере, Чаде, Нигерии. На Африканском континенте действует несколько десятков сепаратистских организаций, ставящих целью создание независимых псевдогосударств (Филатов 2019).

Очень характерной в плане демонстрации того, насколько длительной, упорной и дестабилизирующей может быть борьба за отдельное государство, является история борьбы Южного Судана (официально самостоятельного с 2011 г.) за свою независимость, которая показывает и неизбежность таких революций, и их тяжелейшую цену. Но добавим, что эта цена значительно возрастает в результате вмешательств извне.

Южный Судан населен в основном христианами и представителями автохтонных африканских религий, расовый и этнический состав которых сильно отличается от собственно Судана (Северного, где преобладают арабы, ислам и арабский язык). Северяне, естественно, занимали в объединенном Судане господствующее положение. С самого начала обретения Суданом независимости (1956 г.) южане начали борьбу за свои права. После 17-летней гражданской войны в 1972 г. они получили определенное внутреннее самоуправление. Примерно через 10 лет, однако, вооруженное противостояние возобновилось. В этот раз сепаратистов активно поддерживали США. Лишь в 2005 г. было заключено перемирие, предоставлена автономия Югу, а его лидер стал вице-президентом Судана. Однако южане стремились к независимости, что и показал референдум 2011 г., где почти 100 % населения проголосовало за отделение. Это был, пожалуй, первый в последние десятилетия случай отделения христианской территории от исламского государства.

Образовалось независимое государство. Но оно оказалось намного более слабым, чем Северный Судан, и почти недееспособным. Прошло менее 10 лет его независимости, но сегодня он, по сути, представляет территорию нестабильности, охваченную внутренней борьбой и беззаконием. Страна является и многоэтничной, и разноконфессиональной, в ней действуют оставшиеся от гражданских войн не менее 7 вооруженных групп, продолжают происходить конфликты и восстания. Судите сами. В 2011 и 2012 гг. произошли вооруженные конфликты с Суданом. В 2013 г. была попытка военного переворота. В декабре того же года в Южном Судане вспыхнул новый масштабный вооруженный конфликт, переросший в гражданскую войну между крупнейшими народностями страны нуэрами и динка¹⁰. Война продолжалась до 2020 г., когда было создано коалиционное правительство из представителей этих двух основных народов. В 2017 г. в стране случился голод.

¹⁰ Отметим, что война между этими этносами была привычным делом еще в колониальные времена (Эванс-Причард 1985), так что, к сожалению, ничего необычного здесь не происходило. Характерно, что еще менее 100 лет назад нуэры были очень бедными и малокультурными скотоводами, а динка – едва ли не более отсталыми, чем нуэры. Тем не менее социально-политические отношения нуэров мы определяли как уровень аналога раннего государства (Гринин 2011). Теперь на наших глазах аналог раннего государства, как и в случае с туарегами (см.: Гринин 2020г; 2020ж), превратился в государство. Но, конечно, в таких государствах еще очень много архаичного.

В течение двух десятилетий США оказывали и косвенную, и прямую вооруженную поддержку сепаратистскому движению на юге Судана, стратегически важном с точки зрения контроля над месторождениями и транспортировкой нефти (Филатов 2012*в*). Другими причинами заинтересованности США в ослаблении Судана были размеры страны, поскольку Америка предпочитала одному крупному несколько мелких враждующих между собой государств; а также исламистский характер режима в стране и поддержка ее президентом Омаром-ал-Башидом террористической «Аль-Каиды» (Торин 2017), а соответственно и терроризма. Этот суданский плацдарм сыграл важную роль в распространении отделений «Аль-Каиды» в Африке. США подключили международные организации, включая ООН, для признания независимости Южного Судана. В итоге Хартум вынужден был согласиться на отделение трети своей территории. Однако Южным Суданом сепаратизм не ограничивался. Очень силен он, например, в западных провинциях Судана, в так называемом Дарфуре, где много лет шла вооруженная война за независимость. Собственно, удивляться этому не приходится. Дарфур был в течение сотен лет независимым султанатом, и только в 1899 г. он был присоединен к Судану англо-египетскими войсками. США поддерживают сепаратизм в Дарфуре (в частности, поставляют военное снаряжение через своих союзников – Эритрею и Чад, втягивая в конфликт и третьи страны) и в других частях Судана, надеясь еще больше ослабить эту страну.

Таким образом, новейшая история Южного Судана и Судана (как и других стран) демонстрирует, что не только демократические, но в еще большей степени национальные революции ввергают страны (как те, от которых отделились территории, так и особенно отделившиеся территории) в тяжелейшие революционные периоды. И можно прогнозировать, что таких случаев будет много.

Интересный пример сепаратизма демонстрирует и Камерун. Здесь раскол страны происходит по языковому признаку.

Идея независимости распространилась в западных районах Камеруна, где основное население говорит по-английски, в отличие от остальной франкоговорящей страны. Напомним, что после Первой мировой войны территория нынешнего Камеруна (бывшего с 1884 г. колонией Германии) была поделена между

Лондоном и Парижем, что сейчас и проявляется в сепаратизме и терроризме. Сепаратисты на западе Камеруна давно начали добиваться «независимости для двух западных англоязычных регионов». Они давно назвали свою будущую страну Амбазония, а себя именуют «Amba boys» («Парнями Амбы»). Они выступают «против давления со стороны франкоязычного большинства» и против «маргинализации англофонов», которые составляют примерно пятую часть населения страны. Англофонная интеллигенция создает здесь фон общественного протеста, а молодежь уже берется за оружие. Сепаратизм растет, несмотря на то, что были приняты некоторые меры для поддержки особенностей разных частей страны, в разных провинциях действуют разные системы права и образования. В частности, в той части территории, что была французским Камеруном, сохранились и французское право, и система образования, в англофонных регионах – британские порядки. В стране оба языка являются официальными, в большинстве университетов – двуязычие. Однако то, что раньше давало равновесие, теперь перестает работать (см.: Филатов 2019). Впрочем, есть предположение, что активизация англоговорящих камерунцев связана с интригами Лондона (Там же; см. также: Гринин 2020г).

Совсем свежий (ноябрь 2020 г.) – пример Эфиопии. Напомним, что в 1991 г. после войны за независимость от Эфиопии отделилась ее северо-западная территория, ставшая государством Эритрея. Для тематики статьи характерно, что новое государство сразу же вступило в конфликт с Йеменом, вмешивается в гражданскую войну в Сомали, вело кровопролитную войну за спорные территории с Эфиопией. Иными словами, очень часто отделившаяся национальная провинция становится источником дестабилизации в своем регионе. Наконец, в 2018 г. Эфиопия и Эритрея подписали мирное соглашение. Однако для Эфиопии, в которой регионы обладают широкой автономией и созданы на этнической основе, сепаратизм становится хроническим. Северный штат Эфиопии Тыграй, населенный тиграи (семитской этнической группой), в ноябре 2020 г. оказался на грани отделения.

Центральное правительство в ноябре 2020 г. ввело туда войска и объявило чрезвычайное положение на полгода. Начались вооруженные столкновения с боевиками Народного фронта освобождения Тыграя, главной политической партии региона. Ха-

рактально, что эта политическая организация ранее состояла в коалиции с ныне правящей силой в Эфиопии (а офицеры из этого штата имели особенно много заслуг в войне с Эритреей). Но попытки премьер-министра Эфиопии Абия Ахмеда консолидировать эту коалицию в единую партию без учета этнического принципа заставила Тыграйский фронт уйти в оппозицию. А в текущем году попытки премьера, используя предлог пандемии коронавируса, чтобы перенести национальные и местные выборы, назначенные на август 2020 г., и продлить полномочия премьера Ахмеда, вызвали недовольство со стороны властей Тыграя в лице НФОТ и жесткий конфликт провинции и центра. Тыграй провел собственные выборы, которые центр не признает. Стороны отказываются от диалога, и эксперты опасаются, что конфликт может перерасти в настоящую гражданскую войну, тем более есть мнение, что центр поддерживает США (Мирзаян 2020). Уже говорят о возможной гуманитарной катастрофе. Ряд других регионов Эфиопии также могут стать нестабильными. Как минимум несколько южных штатов страны стремятся к большей автономии и не согласны с курсом Ахмеда на национальное единство (см.: Поплавский 2020).

Таким образом, в прогнозах будущей нестабильности обязательно необходимо учитывать этнорелигиозный фактор. Местные политические элиты спекулируют на этническом вопросе в попытках добиться своих целей. Это также подается в остро идеологическом виде. Например, дарфурский конфликт (о нем см. выше) официальный Хартум трактовал в виде формулы «африканцы против арабов» (Гулевич 2012).

Что касается Ближнего Востока и Северной Африки, то в настоящий момент, как считают некоторые специалисты, обращение к религии и ее политизация становятся характерной чертой современной эпохи и определяющим моментом в поисках новой модели государственности в этом регионе (иными словами, конфессиональный исламизм в случае ослабления государства занимает его место). Имеет место также актуализация вопроса о культурно-исторической и конфессиональной идентичности обществ, что способствовало превалированию этноконфессиональной идентичности над национальной (речь идет о крахе арабского национализма, который поднимался на щит со времен Насера – об этом мы уже пи-

сали; см.: Гринин, Коротаев 2019; Grinin *et al.* 2019). Это относится прежде всего к странам, погрузившимся в пучину гражданских войн и конфликтов, – Ираку, Сирии, Йемену, Ливии (в этом случае речь идет не об этноконфессиональной, а об этноплеменной идентичности). Помимо них – и к Бахрейну, в котором противостояние власти и оппозиции имеет выраженную суннитско-шиитскую составляющую (Звягельская, Кузнецов 2017: 14).

Сказанное относится также к африканским государствам зоны Сахеля и прилегающим к ней. Но с той разницей, что здесь процессы складывания наций существенно отстают от Ближнего Востока (однако, как мы видели, помимо этноконфессиональной, есть и этноязыковая идентичность, а также и собственно этническая, как в Дарфуре). И в этой связи стоит отметить важный момент для прогнозов. В Африке идут мощные этнические процессы, когда этносы уровня народностей или аналогов народностей взрослеют, превращаясь в нации или аналоги наций. Этносы в Африке сильно отличаются от национальностей в Европе и в большинстве стран Азии по ряду характеристик (см. ниже), поэтому они будут сложнее вписываться в государства, из чего следует, что *этнонациональные процессы по мере их развития будут в некоторых смыслах тормозить переход к зрелому государству и в любом случае будут являться источником нестабильности в ряде стран*. Тем более что старые этнические конфликты, а также конфликты между государствами, отколовшимися от своих метрополий, и бывшими метрополиями имеют свойство возобновляться даже после десятков лет перемирий¹¹.

Поскольку государственность в Африке неразвита и молодая, то и этносы здесь не приобрели черты государственных этносов, характерных для исторических народностей и тем более наций (если использовать марксистскую типологию: племя – народность – нация). Формирование этносов особенно активно идет именно в процессе развития государства, когда первые теряют постепенно черты догосударственной идеологии и оснований для единения (о теснейшей связи государства и этногенеза, о типах

¹¹ Так, после 30-летнего перемирия между Марокко и Западной Сахарой вновь обострились отношения (Мустафин 2020). Армяно-азербайджанский конфликт 2020 г. – также хороший пример сказанного.

этнических единиц в историческом процессе см.: Гринин 1997; 2006; 2009). В итоге в Африке этносы еще не утратили свои негосударственные корни. Когда об африканских этносах говорят как о племенах (используя также термин *трайбализм*), это существенно искажает ситуацию. В реальности африканские этносы (притом что многие из них насчитывают десятки миллионов человек) – это в целом (насколько может быть корректным диахронное сравнение) уровень народностей России и Европы XVI–XVII вв. Но дело в том, что русский и европейские этносы к тому времени уже прочно срослись в представлении об их связи с государем (династией) и государством, а африканские этносы продолжают ощущать свое единство иными способами, имеющими генетические корни с негосударственным периодом (мы не говорим уже о существенном различии земледельческих и скотоводческих африканских этносов). Они опираются на этномифологию о едином предке, особо выдающихся родах, представители которых имеют особые права и особое положение среди народа. Они ощущают себя в первую очередь представителями своего народа, а потом уже своего государства (тем более что ни политический режим, ни границы, ни идеология последних, как правило, не успели сложиться)¹². Таким образом, ни в коей мере не правильно ассоциировать современные африканские народы с догосударственными племенами. Однако некоторое генетическое сходство имеет место – примерно так же можно искать отдаленное сходство между коллективизмом крестьянской русской общины и советским коллективизмом (в этом

¹² Существенно похожа в плане этнических характеристик населения ситуация в Йемене, Афганистане, некоторых районах Пакистана, но с той все же разницей, что государственные традиции в этих странах длительнее. Естественно, что если в системе приоритетов у многих государственных и политических деятелей на первом месте не общегосударственные, а именно этноконфессиональные интересы, тогда этнический трайбализм порождает государственный трайбализм. В этом случае предпочтение в получении должностей и привилегий получают прежде всего «свои» люди из своего этноса, своего «племени». Разумеется, нечто похожее встречается и в европейских странах, и в России, где это выражается в клановости и землячестве, а также в местничестве. Но в Африке это явление становится едва ли не базисным. По-видимому, в этом плане Е. Зеленев (2019) пишет, что в современной Африке имеет место наложение старых форм трайбализма на формы неотрайбализма, воплощенные в разнообразных НКО, партиях, группировках и их объединениях (дефицит стабильности в африканском ареале огромен), и все они оказываются плотно встроенными в каркас религиозного, особенно исламского, самосознания и миропонимания.

смысле, употребляя термин трайбализм, нужно понимать всю его условность). Иными словами, *народности в исторически длительно существовавших государствах и многие еще не сросшиеся прочно с государством африканские народности по уровню развития идентичны. Но это разные типы народностей, этносов*. Поэтому имело бы смысл африканский тип этноса (слабее связанный с государством) называть *трэтнос* (tribe + ethnos = = trethnos), а государственный тип этноса – *стэтнос* (state + ethnos = stethnos).

6. Революционные ловушки и ловушки исламской радикализации

В (Гринин 2020а; 2020в) мы отмечали, что по мере роста зрелости политических, экономических и национальных отношений в ныне отстающих странах (это особенно касается Африки, а также части стран Ближнего и Среднего Востока) роль революций (и других форм дестабилизации) будет возрастать. В частности, делался вывод, что в таких «повзрослевших» странах может начаться смена одних типов революций на другие – например, религиозных на социальные, псевдодемократических на демократические. Указывалось, что в XXI столетии тенденция к росту социальных протестов усилилась, в частности события в Судане в 2019 г., которые можно трактовать как аналог революции, подтверждают это (о Судане см. в: Гринин 2020з). То же можно сказать об Алжире, где после неудачной, но кровавой и разрушительной религиозной революции 1992–2002 гг. в 2019 г. случилась уже чисто демократическая революция. Выше мы говорили о Ливане, где в 2019 же году высказывались общенациональные требования (а не требования отдельных групп или конфессий). Поэтому *можно ожидать в будущем с учетом развития стран Афразийской зоны нестабильности определенного и, вероятно, немалого числа как социально-политических, так и национально-освободительных революций в будущем. Мало того, можно сделать вывод, что, подобно тому, что было в Латинской Америке, в Африке значимость военных переворотов будет снижаться, а роль революций расти*.

Но переход к демократическим революциям, да еще в условиях мощного мир-системного влияния может в некоторых случаях приводить к тому, что страны, пережившие революции, но в которых

(как в Грузии или Украине, а теперь в Армении) политическая система никак не установится, могут пережить их вновь. *Они будут попадать в своего рода революционную ловушку.* Также революции вместо перехода к лучшей жизни могут открыть революционную эпоху, которой порой не видно конца. Так, уже 10 лет по-прежнему продолжается революционная эпоха в обществах Ближнего Востока, переживших революцию: Египет, Сирия, Йемен, Ливия. При этом в трех последних следует говорить о еще более тяжелом периоде – своего рода смутной эпохе¹³. *Можно предположить, что и в африканских странах, к сожалению, откроются такие длительные и разрушительные революционные эпохи. Попытки перехода к демократии в исламских странах опасны не только революционными ловушками, но и тем, что мы назвали ловушками радикализации. Обе ловушки порой тесно связаны.*

Тарек Осман (Osman 2016) рассматривает в качестве главного в исламских обществах секуляристско-исламистский конфликт. В общем плане это верно. Однако, на наш взгляд, переход к секуляризму и его победе гораздо более вероятен через умеренный исламизм, то есть через сотрудничество с ним. И если считать, что радикальный исламизм – это результат нарушения порядка в обществах, то надо любой ценой этот порядок удерживать. Следовательно, проблема состоит в выборе не между авторитарностью и демократией, а между светским авторитарным режимом и радикальным исламизмом. Поэтому крайне важно понимать, что радикальный исламизм можно победить (ослабить) в настоящих условиях только на поле собственно исламизма, поддерживая умеренную и законопослушную его версию и сотрудничая с ней там, где это возможно.

Военный переворот в Египте 2013 г. и отстранение «Братьев-мусульман» от власти, к которой они пришли законным путем, значительно изменили настроения среди исламистов, подорвали у многих из них веру в мирный путь «врастания» в политическую жизнь. В итоге многими исламистами сделаны неверные выводы из

¹³ Это период, когда значимость центральной власти уменьшается или вовсе исчезает, так что страна фактически или в значительной мере распадается на несколько конфликтующих территорий, ни одна из которых не способна объединить страну. Ситуация в Ливии является классическим примером такой смутной эпохи.

последних событий. Осман считает это очень серьезным переломом и, возможно, поворотным пунктом. Он пишет о том, что исламисты возвращаются к жертвенности, то есть террору, рискуют попасть в тюрьму, тогда как им необходимо перестраиваться. Они возвращаются к идее влиять на мораль общества вместо участия в политической жизни. Вследствие этого ситуация «откатывается» назад, к началу политической эволюции исламистов, нарастает опасность новой радикализации ислама. Это умаляет значение их недавнего политического успеха (в 2011–2013 гг.) и сокращает надежды на политический успех в дальнейшем (см.: Osman 2016: 244–248).

Это хороший пример *ловушки радикализма*, связанной с революционной ловушкой. Сначала происходит революция ради расширения демократии, потом к власти в полном соответствии с принципами демократии приходят радикалы-исламисты, которые сами начинают верить в демократию. Затем происходит контрреволюционный переворот под лозунгом восстановления в стране порядка. Далее военные начинают вновь загонять исламистов в подполье, а те ввергают страну в ловушку радикализма, считая, что теперь только террор – единственное оружие их борьбы. В итоге в стране устанавливается (и, вероятно, надолго) военная диктатура, за которой может последовать новая революция.

7. Культурно-образовательный, идеологический и внутрирелигиозный раскол в модернизирующемся обществе как фактор нестабильности

Модернизация вместе с ростом урбанизации, образования и контактов с другими обществами нередко создает и глубокий раскол в мировоззрении различных слоев населения. Возникает ситуация двух наций в более развитых и двух этносов – в менее развитых обществах. Такое деление может выражаться, например, в наличии малограмотного и частью неграмотного большинства, живущего к тому же в основной в сельской местности и занимающегося архаичным трудом, и хорошо, по-западному, образованного городского меньшинства, мечтающего о хорошо оплачиваемой интеллигентной работе (ситуация, характерная для Египта перед Арабской весной). Это может совпадать с делением на элиту и большинство (при этом элита порой ориентируется на зарубежные образцы).

В ситуации, когда общество в основном едино в мировоззрении, его сложнее расколоть. И в этом смысле исламизм может порой «цементировать» общество. Но в условиях модернизации возникнет значительный слой интеллигенции, ориентирующейся на другие страны с другой идеологией. Этому в будущем может сильно способствовать не только прямая эмиграция, которая уже давно создает и расширяет зарубежные общины, существенно влияющие на идеологию метрополии, но и то, что можно назвать **онлайн-эмиграцией**. Иными словами, *за счет онлайн-технологий будет заметно расти число людей, живущих в своих странах, но работающих в других*, мировоззрение которых будет заметно меняться. Такая онлайн-эмиграция существует уже и сегодня (например, в Индии и Пакистане), но она станет очень распространенной в ближайшие десятилетия. В результате этих и других процессов все более значительная в своей численности интеллигенция может еще заметнее, чем сегодня, мыслить по-новому, тянуться к образцам институтов более развитых стран (особенно к демократии), пытаться направить общество по иному руслу. В то время как большинство населения привержено старым традициям и в целом готово терпеть автократию и связанные с ней недостатки.

В некоторых случаях, как было в Египте, высокий уровень образования молодежи сочетается с высоким же уровнем ее недовольства, поскольку она ощущает, что не смогла найти свое место в жизни. В подходящих условиях это становится движущей силой демократической революции. Но с попытками ввести демократию неожиданно для революционеров законно побеждает консервативное большинство, что и является основой для попадания в революционно-радикалистскую ловушку (см. выше).

Это размежевание соответствует во многом и внутреннему разделению исламских обществ. Отмечалось, что в ряде исламских обществ, в частности, в иранском, турецком, египетском, существует ярко выраженный культурный дуализм (который даже можно назвать дуализмом цивилизаций). Он несет в себе элементы неустойчивости для общества (Васильев 2017: 42). Действительно, налицо противоречивость компонентов общества в исламских странах, когда рядом с традиционными (или псевдотрадиционными) компонентами находятся современные (и псевдосовременные)

тенденции. Как и в других (исторических) случаях модернизации, это создает напряжение в обществе и нередко приводит к его расколу. Похожая ситуация была, например, в России накануне 1917 г., когда возникло противоречие между европейскими и народными идеями.

Раскол в мировоззрении происходит и по ряду других оснований. Арабская весна стала новым всплеском такой борьбы между разными направлениями в обществе, между представителями светских течений и исламистов, равно как и среди самих исламистов. В итоге, по мнению Т. Османа (Osman 2016: xiv), возник небывалый за последние 70 лет раскол исламского общества.

Этот раскол, возможно, особенно силен в африканских странах и значимо проявляется в государствах, где мусульмане не являются большинством населения. Евгений Зеленев (2019) высказывает по этому поводу довольно пессимистические взгляды. В частности, он считает, что причины острых конфликтов, подрывающих государственные формы организации общества в исламской Африке, носят в первую очередь внутриисламский характер. Это неоднородность и поляризация мусульманских духовно-политических элит, а также порой нерасторжимый симбиоз различных форм организации и самоорганизации в рамках общества и исламского самосознания и миропонимания.

По его мнению, религиозный раскол потенциально угрожает целостности ЦАР, Мозамбика, Танзании, Нигерии, Буркина-Фасо, Гвинеи-Бисау, Камеруна, Кот-д'Ивуара, Сьерра-Леоне, Того и многих других африканских стран. В частности, он анализирует ситуацию в Центрально-Африканской Республике, где исламское меньшинство совпадает с этническими группами северных районов страны. Его лидеры, сохраняя верность локальным племенным традициям, исповедуют вполне универсальную идеологию джихада, политического и военного, в зависимости от того, на какой платформе находится тот или иной мусульманин: минималисты привержены мирному решению конфликта путем переговоров и договоренностей (политический джихад), тогда как максималисты поддерживают радикальное решение проблемы военным путем. Кровопролитная гражданская война, которая привела к коллапсу государственной системы в ЦАР (2004–2007 гг.), сменилась неустойчивым равновесием, разрушить которое может практически любой самый незначительный политический инцидент.

Победа, а затем отстранение исламистов от власти, уход последних в полуподполье и подполье показали, что возникла и существует своего рода патовая ситуация, когда исламизм и светские направления (вместе со светской властью) противоборствуют, но ни одна из сторон не может победить полностью, тем более что эти стороны занимают и разные социальные ниши. В данном противостоянии обнаруживается нечто от единства и борьбы противоположностей, составляющих единое целое. В таком единстве противоположностей, возможно, и кроется источник развития исламских обществ, но, конечно, источник противоречивый и опасный. Время от времени происходит крен то в жесткую автократию, то в радикализм.

Как уже сказано в (Гринин 2020d), помимо деления на умеренный и радикальный исламизм, также встречается и деление на государственных и негосударственных. Первые (главным образом представители исламистских партий) взаимодействуют с другими социальными и политическими силами, что способствует достижению консенсуса в национальной политике. Вторые (от самых спокойных салафитов до вооруженных джихадистов) ставят религиозное сообщество превыше национальной политики и напрямую зависят от взаимодействия между исламистами-государственниками и государством; им выгодны провалы в демократическом построении консенсуса в национальной политике (Volpi, Stein 2015). В целом очевидно, что исламисты-государственники – в основном умеренные исламисты, которые должны принимать правила игры на политическом поле и действовать легально. Исламисты-негосударственники – это те, кто не желает участвовать в политических выборах или делах официально и по правилам, оппозиционеры ближе к радикалам. Кроме того, первые способны рассматривать возможность сближения национализма и исламизма, а вторые – с трудом.

Нам не кажется, что такое деление на исламистов-государственников и негосударственников продуктивно, поскольку главный водораздел проходит между умеренными исламистами и радикалами, которые могут сосуществовать в рамках одних и тех же движений, например «Братьев-мусульман». Но возвращаясь к делению на государственных и негосударственных, во-первых, важно, что авторы объединяют и тех и других под общим термином «исламисты», а во-вторых, они показывают, что умеренные исламисты (государственники) могут внести вклад

в стабилизацию и развитие обществ, когда взаимодействуют с другими политическими силами, и напротив – когда конфликтуют с ними, это ведет к негативным последствиям. Исламисты-государственники (главным образом представители исламистских партий) могут способствовать стабилизации и демократизации государства, наладив взаимодействие с другими социальными и политическими акторами. С другой стороны, если это взаимодействие построено на конфликте, то оно оказывает разрушительное воздействие как на исламистов-государственников, так и на возможность проведения демократической национальной политики (Volpi, Stein 2015)¹⁴.

Библиография

- Васильев А. М. 2017.** Исламский экстремизм: опасности реальные и мнимые. *Исламские радикальные движения на политической карте мира*. Вып. 2. *Северный и Южный Кавказ* / Ред. А. Д. Саватеев, Н. А. Нефляшева, Э. Ф. Кисриев. М.: Ин-т Африки РАН. С. 33–54.
- Гринин Л. Е. 1997.** Формации и цивилизации. Гл. 4. Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории. *Философия и общество* 5: 5–63.
- Гринин Л. Е. 2006.** О некоторых фундаментальных понятиях и проблемах теории этноса. *Философское осмысление социально-экономических проблем: междунар. сб. науч. трудов*. Вып. 10 / Ред. В. Е. Давидович, Е. Ю. Леонтева. Волгоград: ВолгГТУ. С. 382–387.
- Гринин Л. Е. 2009.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс: Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому*. 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2011.** *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ.

¹⁴ Когда исламистские партии работают в рамках многопартийной системы, что сопровождается ростом гражданских свобод, как происходит в Тунисе, это может способствовать демократической консолидации и стабильности, а также укреплению государственного управления. Насильственное устранение исламистских партий, как это случилось в Египте после переворота 2013 г. и запрета «Братьев-мусульман», приводит к обратным результатам (Volpi, Stein 2015: 290).

- Гринин Л. Е. 2012.** Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 3. Арабская весна 2011 года* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛКИ/URSS. С. 188–223.
- Гринин Л. Е. 2018.** О роли исламизма в модернизации исламских стран и его влиянии на политические аспекты. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 9. Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. С. 320–349.
- Гринин Л. Е. 2019.** Исламизм и процессы глобализации. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 10* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 6–35.
- Гринин Л. Е. 2020а.** Движение обществ к зрелым социально-политическим и экономическим отношениям как длительный фактор возможной дестабилизации в странах Афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 666–693.
- Гринин Л. Е. 2020б.** Демографические процессы как базовый и длительный фактор возможной дестабилизации в странах Афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 181–199.
- Гринин Л. Е. 2020в.** Глобальная и региональная геополитика как дестабилизационный фактор в Афразийской зоне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 517–527.
- Гринин Л. Е. 2020г.** Движение обществ к зрелым социально-политическим и экономическим отношениям как длительный фактор возможной дестабилизации в странах Афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 666–693.
- Гринин Л. Е. 2020д.** Исламизм, радикализм, постисламизм в их отношении к светским режимам и государственной идеологии. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* /

- Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 829–853.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2016.** *Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2019.** *Исламизм и его роль в современном исламском обществе*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гулевич В. 2012.** Конфликтотенная динамика в странах Центральной Африки и Африканского рога. *Международная жизнь* 2 апреля. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8391>.
- Звягельская И., Кузнецов В. 2017.** Государство на Ближнем Востоке будущее началось вчера. *Международные процессы* 15(4): 6–19.
- Зеленев Е. 2019.** Исламский фактор на Ближнем Востоке и в Северной Африке: феномен «реисламизации». *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2285>.
- Мальшева Д. 2014.** Исламистское обличье африканских военных конфликтов. *Международная жизнь*. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1173>.
- Мирзаян Г. 2020.** Ради борьбы с Китаем США разожгли войну в Африке. *Взгляд* 20 ноября. URL: <https://vz.ru/world/2020/11/20/1071522.html>.
- Мустафин Р. 2020.** Западная Сахара балансирует на грани войны. *Независимая газета* 16 ноября. URL: https://www.ng.ru/world/2020-11-16/6_8015_sahara.html.
- Поплавский А. 2020.** Лауреат премии мира ведет Эфиопию к войне. *Газета.ru* 5 ноября. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/11/05_a_13348855.shtml.
- Торин А. 2017.** Трагедии и надежды современной Африки. *Международная жизнь* 4 декабря. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18897>.
- Филатов С. 2012а.** Кавардак в Сахеле 2012. *Международная жизнь* 23 августа. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8708>.
- Филатов С. 2012б.** «Poor, Poor Africa». *Международная жизнь* 14 августа. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8679>.
- Филатов С. 2012в.** Судан: острые приступы «независимости». *Международная жизнь* 28 мая. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8496>.

- Филатов С. 2012г.** Хиллари Клинтон объявляет новую стратегию США. *Международная жизнь* 31 июля. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/8652>.
- Филатов С. 2019.** Кто и зачем «раскачивает» Камерун? *Международная жизнь* 23 июля. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/23254>.
- Эванс-Причард Э. Э. 1985.** *Нуэры*. М.: Наука.
- Dalacoura K. 2015.** Islamism, Democracy and Democratization and the 2011 Arab Uprisings. *Mediterranean Politics* 20(3): 420–426.
- Grinin L. 2008.** Early State, Developed State, Mature State: The Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. 2012.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2019.** *Islamism, Arab Spring and Democracy: World System and World Values Perspectives*. Cham: Springer.
- Osman T. 2016.** *Islamism: What it Means for the Middle East and the World*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Volpi F., Stein E. 2015.** Islamism and the State after the Arab Uprisings: Between People Power and State Power. *Democratization* 22(2): 276–293.